

Воспоминания жительницы села Назино Александровского района Томской области Былиной Феофилы Михайловны (1895 г. рождении)

Я происхожу из коренных русских жителей этих мест. В 1933 или 1934 году мы жили в деревне Амбары в 35 км от Назино. По деревне ходили разговоры, что весной, по большой воде, на остров против села Назино вывезли 2-3 баржи с заключенными.

Однажды моя свекровь, Анисья Николаевна, сказала мне: «Пойдем, посмотрим, что за молодые ребята сидят под арестом в бане у Тычинских». Их поймали деревенские партийные активисты, среди которых активностью выделялся Чернодаров, погибший потом на фронте. Он говаривал: «Поохотничать надо, а то много бежит».

В бане находилось 4 человека, которых должны были увезти на пристань, чтобы куда-то отправить. Нам удалось коротко поговорить с ними. Один из парней был одет в легкое серо-полосатое кашне, фасонистый картуз и обут в красные сапоги. На втором было темное пальто и темные сапоги.

«За что вы попали сюда?» - спросили мы первого. Он ответил: «А не за что. Был студентом в Москве. На выходных пошел в гости к тете – москвичке. Дошел до ее двери, стучался, но тетка не успела открыть дверь, потому что меня тут же схватили. Я был арестован как не имеющий при себе паспорта».

Выше Амбаров в Обь впадает таежная речка Амбарская. На ней в тот год рыбачили старые рыбаки из бригады Барышева. Однажды, у избушки на Амбарской они случайно оставили собаку Барышева Дружка. Барышев попросил товарищей, поехавших за инвентарем, покричать собаку. Когда они приплыли на место, то отвечать им стал женский голос. Рыбакам сделалось не по себе. Они пошли на голос и увидели, что по берегу ходит девушка. Они спросили, как она сюда попала, и в ответ услышали: «Нас шло четверо. Кто сколько смог, столько и прошел, лег и кончился. А я дошла до этой избушки, остановилась здесь и ела старую рыбу из затора (натянутой мережи), тем и питалась. Завезли нас на остров весной, по большой воде. Теперь спасаюсь от верной гибели, пошла искать железную дорогу».

Девушку отвезли в Амбары. Кто картошки дал, кто хлебы, кто молока, и повезли на пристань. Потом она попала в Александровскую больницу.

В то же лето на остров приезжала московская комиссия. Сюда попала жена какого-то большого начальника. В состав комиссии входили военные. Они сказали местному начальству: «Живых или мертвых предоставьте!» А людей уже не было. Сколько их потонуло, умерло с голоду!

Старики рассказывали, что невозможно было ходить на Обь за водой или полоскать белье – такой стон стоял на острове. Со стороны старого Назино заключенным возили каждый вечер муку, каждому по кружке. Таково было их питание.

Рассказывали, что накануне разбирательства с женой начальника, ей отрезали груди дошедшие до людоедства заключенные, и она сошла с ума.

В нашей избе был в то время заезжий двор. Колхоз обязывал нас принимать проезжих. Цыгане едут – цыган принимали. Потом я выписывала квитанцию, сколько людей было, сколько лошадей, и колхоз нам платил. На квартиру к нам попадали и высланные. Однажды побывала у нас и старушка со Смерть–Острова. Ее везли этапом.

У нас в избе была прихожая, комната и две спальни. Женщину провели в дальнюю комнату на ночлег, и я увидела, что у старушки на ногах срезаны икры. На мой вопрос она ответила: «Это мне на Смерть–Острове отрезали и зажарили». Вся мякоть на икрах была срезана. Ноги от этого мерзли, и женщина обертывала их тряпками. Она самостоятельно двигалась. Выглядела старухой, но в действительности ей было 40 с небольшим лет.

Однажды, в тот же год, мой свекор Былин Владимир Василевич и свекровь Былина Анисья Николаевна и Барышева Анна Николаевна получили приказ увезти на пристань троих пойманных мужчин – беглецов с острова, которые не могли даже сидеть. Мужчины легли на дно лодки, и, едва отчалили, стали просить: «Дайте покушать». Наши бабы и говорят: «Подождите, отъедем, тогда и дадим». Дело в том, что тех, кто давал беглецам с острова еду, лишали положенного им пайка (муку, крупы). Отъехав подальше, наши дали несчастным заранее припасенную картошку и хлеб. Что это были за люди – неизвестно.

В 1952 году Амбары были соединены с Назино, куда мы и переехали. Покос нам отвели на Острове Смерти. Свекор косил, я подгробала, потом метали стог. Я заметила, что на участке в виде полукруга нет травы. Когда сметали стог, то пошли на это место. Нога на нем как бы тонула. Мы поняли, что тут лежат невинно погибшие. Свекор был верующий, плакал о загубленных людях. Мы не стали ничего раскапывать. Свекор срубил вешки и когда мы их понесли, я увидела обтесанную со всех четырех сторон лесину. Я внимательно посмотрела: на стволе было что-то написано, но прочитать было очень трудно, сохранились лишь следы от химического карандаша. Долго разбирать надписи у нас не было времени, и мы решили, что займемся этим в следующий раз. Но не пришлось – на следующий год наш покос ушел под воду.